

Дунай (5)

Во сто́льном во го́роде во Кие́ве
У ласкова князя у Влади́мира
Собирал свет солнышко Влади́мир-князь,
Собирал да он почёстен пир,
Почестен пир да похва́лен стол
Кабы про всех хрисьян да правосла́вных,
Про них бояр да большебрю́хиих,
Про руських да про богáтырех.
Да кабы день-то идет да ко вецору,
Кабы солнышко идет да ко западу,
Кабы пир-от был да о полу́-пирá,
Кабы стол-от был да о полу́-столá,
А кабы все на пиру стали пьянешеньки,
А пьянешеньки стали да веселешеньки.
Кабы солнышко да Влади́мир-князь
Он был хмелен да полурадостен,
А кабы по полу князь похаживал,
А с ножки на́ ножку переступывал,
Каблук о ка́блук перестукивал,
Менным гвоздиком поколачивал,
Бельíма-то руками приразмахивал,
Могучима плечама пошевеливал,
А и желтыма кудрями перетряхивал,
Тиху-смирну речь приговаривал:
«А и то ж, мои русски богáтыри,
Аж вы, хрисьяне православны,
Аж вы, бояре толстопузыи,
Аж вы все на пиру да пожёнены,
Дёвицы-красавицы за вас да повы́даны,
А я холост хожу, да не женат живу.
А и кто ж из вас мне невесту знат?»
Аж и все за столом приумолкнули,
За дубовыми да все приутихнули,
А и старшо́й хорóнитца за среннего,
Аж и сренней-то хорóнитца за младшего,

А от младшего князь не мог ответ держать.
А за тем столом да за серённым
Молодой-то Дунай да сын Иванович,
А и стал говорить Дунай да таково слово:
«Аж как солнышко батюшко Владимир-князь!
А позволь-ко мне слово да вымолвить,
А за то слово да не казнить меня,
А не казнить да не вешати,
Не ссылать меня в ссылки дальнии».
Говорит тут ему Владимир-князь:
«Говори-ка-се, Дунай, да не упадывай,
Ты не ённого словечка да не утаивай,
Аж не будешь ты казнен, не будешь вёшаен,
Не будешь выслан в ссылку дальнюю».
Говорит Дунай да таково слово:
«Аж и прежде живал в земли да в дальнеей,
В земли дальнеей да в неверноей,
А у князя я жил да у Лиховатого,
А и жил я у князя да ровно три годá,
Аж и жил я у князя да конюхом,
Аж и конюхом да и придворником,
Аж и были у князя две дочери:
Аж одна была полянка да преудалая,
А и ездила она по чистым полям;
А вторá была дочь Опраксея,
Ай Опраксея была дочь Семеновна,
Она особь жила да во горенке,
Она училась только прость и ткать,
Аж и претись да и шелком шить.
Аж и полным статна да полновозрастна,
Аж лицом белá да волосом русá,
А косá русá до долга вóлоса,
Аж и было бы кому перед князем стоять,
А и было бы кого княгиней звать».
А и говорил Владимир-князь:
«А и ты, Дунай да сын Иванович,
А и съезди-ко да посватайся,
Аж и дам тебе товарища по надобью».
Говорил Дунай сын Иванович:

«Как не надо мне многи́ товарищи,
Аж и есть у меня три товарища:
А и первóй товарищ — сабля вострая,
А и второй товарищ — копье булатное,
А и третьёй товарищ — конь-лошадь добрая.
Аж дай-ко мне еще товарища,
А старого казака да Илью Муромца».

Аж стали уда́лы сняража́тися,
А и стали они собиратися,
А не видели поездки молодёцкой,
А не видели побёжки лошадиной,
Только видели: курева́ в поли стоит,
Курева́ стоит, да пыль столбом летит,
Как скоро поехали да в поле чистое.
Как приехали они ко князю Лиховитому,
Как зашли во гриню княженецкую,
Аж у их там Богу не молятца,
На все стороны только нонь поклоняютца,
А князю с княгинею да на осóбицу:
«А и здравствуй, Лихови́той князь».

Говорил тут Лихови́той князь:
«Уж ты здравствуй, Дунай сын Иванович,
Ты зачем приехал, сын, зачем пришел?»

Говорит Дунай сын Иванович:
«Я приехал тут нонь посвататьца
Ко твоей любимой дочери,
А к Опраксии да к Семеновне,
А за солнышко князя Владимира.
Аж и дашь добром, так добром возьмём,
А не дашь добром, так лихом возьмем да кроволитием».

А недолго думали добры мóлодцы,
Они не сватались князю, не кланялись,
Они сорвали двери замчёные,
Они взяли Опраксею пóд руки,
Посадили на добра́ коня,
А старóй впереди сел,
А Дунай-от позади сидит.

Говорит Опраксея да Семеновна:
«Уж вы есть, уда́лы дóбры мóлодцы,

Уж вы русские могучие богатыри!
За кого вы меня везёте нонце,
За себя берешь али за товарища?»
Говорит тут Дунай сын Иванович:
«Не за себя беру, не за товарища,
А за солнышко да за Владимира».

(Тут она и кончаетца. Я ее люблю, эту старину, так вот и помню.)

*(Зап. Разумовой А. П.: авг. 1942 г., д. Хабариха Усть-Цилемского р-на — от
Осташова Якова Андреевича, 65 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.